

КАРТЕР БРАУН

СМЕРТЕЛЬНЫЙ
БЛЮЗ

Картер Браун
Мечта о смерти
Серия «Дэнни Бойд», книга 9

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=264442
Смертельный блюз: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-37275-1*

Аннотация

Неподражаемый частный детектив Дэнни Бойд все чаще и чаще вынужден сталкиваться с преступлениями, совершаемыми в театральном мире. Недаром ведь о театре говорят, что это террариум единомышленников. По заданию издателя глянцевого журнала детектив должен разыскать пропавшую актрису. Все думают, что из-за своей роли сумасшедшей она на самом деле «съехала с катушек», но действительность оказывается гораздо серьезней и опасней для Бойда.

Содержание

1	4
2	9
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Картер Браун

Мечта о смерти

1

Неожиданно весна и теплое солнце застелили Центральный парк новым зеленым ковром. По Пятой авеню прогуливались со своими пуделями небесные создания, демонстрируя ножки, обтянутые нейлоном.

Я проследовал к югу, повернул на восток, на Пятьдесят третью улицу, и прошел на Мэдисон. Контора издательства Харлингфорда, расположенная в шестизэтажном здании стандартной постройки, находилась на втором этаже и была меблирована в ультрамодернистском духе. Для завершения впечатления от роскошной обстановки посетителей принимала высокомерная блондинка, которая не обратила на меня никакого внимания. С огорчением я подумал, что такая девица в офисе в настоящий момент выходит за рамки того, что я могу себе позволить.

В конце концов она решила все же заметить мое присутствие и вопросительно подняла брови. Я повернулся к ней своим левым профилем, который, по моему мнению, лучше правого, но даже столь впечатляющее зрелище не смягчило ее.

– Меня зовут Бойд. Дэнни Бойд, – сказал я. – У меня назначена встреча с мистером Харлингфордом.

– А кого вы представляете? – спросила она с акцентом, который хотела выдать за буффемонский,¹ и брови ее поднялись еще на миллиметр.

– Я представляю «Сыскное бюро Бойда», – ответил я. – А вы в этом году что представляете?

Она кивком указала мне на ближайшее роскошное кресло из белой кожи.

– Садитесь, пожалуйста, мистер Бойд. Мисс Сунь через минуту уделит вам внимание.

– Может быть, вы меня плохо расслышали, – недовольно проворчал я. – Мне не нужна мисс Сунь. Мне нужна не дама, а парень, в смысле Харлингфорд. Постарайтесь же вспомнить, что именно это имя я назвал с самого начала.

– Мисс Сунь – личная секретарша мистера Харлингфорда, – старательно выговорила она, словно имела дело с самым последним учеником в классе. – Прошу вас, сядьте, мистер Бойд.

Я устроился в белом кресле, кожа которого затрещала так, будто терпеть не могла частных детективов. Мне почудилось даже, что кресло проскрипело: «Проклятье! Как низко упала наша контора!» У меня испортилось настроение. Я закрыл глаза и представил, что считаю девиц, лихо работающих длинными ногами на сцене шантана.

– Мистер Бойд, – раздался приятный музыкальный голос. – Мистер Харлингфорд вас сейчас примет.

Я быстро открыл глаза. Передо мной стояла китаянка, из тех, чьи предки родились и выросли в Америке: кожа цвета слоновой кости, высокие скулы и немного раскосые сапфировые глаза. На ее полных губах играла спокойная приветливая улыбка.

– Я – Мария Сунь, личная секретарша мистера Харлингфорда, – добавила она наконец. – Фамилия Сунь вполне обычная, не так ли? А что касается моего имени – Мария, то я получила его от матери-француженки. – Она снова улыбнулась. – Рано или поздно все спрашивают меня об этом.

¹ Буффемон – провинциальный французский городок.

– Меня зовут Дэнни Бойд, – начал я, чтобы что-нибудь сказать. – Имя Дэнни досталось мне от предков-ирландцев, которые всегда и везде слушали звуки волынки, главным образом в кабаках.

Я дал ей возможность полюбоваться моим профилем и справа и слева, потому что она это заслужила, и сам осмотрел ее с ног до головы.

– Никогда не подумал бы, что это издательство, – продолжал я. – Может быть, мне следовало бы пролистать сначала какую-нибудь толстую книгу, чтобы не казаться дураком?

– Не стоит беспокоиться по этому поводу, мистер Бойд, – спокойно произнесла она. – Прошу вас, пойдите, мистер Харлингфорд уже интересовался, не появились ли вы.

– Послушать вас, так можно подумать, что я опоздал на свидание на целый час, – буркнул я.

– Мистер Харлингфорд – деловой человек, – недовольным тоном возразила она. – Он не любит, когда его заставляют ждать.

– Вот досада с этими мультимиллионерами, – мрачно сказал я. – У них мания величия. Но некоторые их мании совершенно реальны. Как вы, например.

Личный лифт доставил нас на пятый этаж, и мы оказались в приемной господина генерального директора. Мисс Сунь подвела меня к двери из тикового дерева. Она деликатно постучала, открыла дверь, посторонилась, чтобы пропустить меня, и объявила:

– Мистер Бойд!

Я вошел, и дверь за мной тихо затворилась. Комната, в которую я попал, не имела ничего общего с кабинетом. Ее скорее можно было бы назвать гостевой комнатой знаменитого клуба охотников. За рабочим столом, покрытым кожей, сидел тип с широкими плечами и обветренным лицом. Он был одет в костюм, который давал основания думать, что все модные портные Лондона трудились над ним, а полученная оплата позволила им сразу разделиться со всеми своими долгами.

– Я – Фрэнсис Харлингфорд, – заявил тип. У него оказался внушительный, хорошо поставленный голос. – Садитесь, Бойд.

Я немного полюбовался обивкой кресла, прежде чем рискнул сесть в него.

– Красивая у вас мебель, – сказал я. – Чем она покрыта? Кожей авторов?

У него была приятная улыбка, которая открывала белые зубы, сильно контрастирующие с цветом его загорелого лица.

– Видимо, вас нелегко поразить, Бойд, – заметил он.

– Только некоторым женщинам удавалось это, – серьезно ответил я. – Зато меня легко удивить, послав записку с приглашением на встречу, приложив к ней чек на две тысячи.

– Мне показалось, что так будет проще, – сказал он. – Я кое-что узнал о вас за эти дни. Что угодно ради денег, а мораль пусть сама разбирается, не так ли?

– Надеюсь, этот разговор вы завели не для того, чтобы прощупать меня, гожусь ли я для дела, которое вы мне хотите поручить? – с некоторым вызовом спросил я. – Итак, в чем оно состоит?

Харлингфорд поудобнее устроился в кресле и не спеша закурил сигарету.

– Мы решили издавать новый журнал, – начал он. – Ежемесячный, но не рассчитанный на широкую публику. Скорее для избранных клиентов, постоянных читателей. Стараясь, чтобы он был одновременно и разумным и содержательным, без всяких литературных выкрутасов.

– Разве критики становятся менее дорогими, чем литераторы? – с невинным видом спросил я.

– Материалом служат реальные события, – продолжал он, игнорируя мой вопрос, – представляющие житейский интерес.

– Хотите опубликовать историю моей жизни? – спросил я, полный надежды. – Готовы рискнуть и пойти на неприятности с цензурой?

– Оставьте ваше остроумие для моей администраторши, Бойд, – сухо произнес он. – Она рада людям, способным опуститься до ее уровня.

– Если дойти до ее уровня, с ней найдется, о чем поговорить? – радостно сказал я, но тонкость моего замечания ускользнула от него.

– У меня есть журналист, специалист в этой сфере, который работал над одной историей в течение шести месяцев, но без всякого результата. И я пришел к вполне определенному выводу: история эта больше подходит следователю, а не писателю.

– Мне? – спросил я.

– Вам. – Он медленно кивнул. – У вас, как мне кажется, имеется примитивная грубость и резкость, которые помогут преуспеть там, где провалился писатель.

– Я умею также плевать в лицо людям, – сказал я. – Вы считаете, что и это может пригодиться?

– Возможно, – холодно ответил он. – Возьметесь за эту работу?

– Если вы потом не заставите меня описывать историю, которую я буду расследовать.

– Я хочу, чтобы вы обнаружили правду, – проворчал он. – Потом я найду писателя, который изложит эту историю. Две тысячи, которые я вам прислал, считайте авансом. Если вы успешно проведете следствие, я готов дать еще две тысячи.

– А что, если дело займет не одну неделю?

– На ваш страх и риск, – сухо заметил он. – Короче, вы беретесь или?..

– Берусь, – быстро ответил я.

– Существуют некоторые обстоятельства, которые вы обязаны учитывать. Вы ни под каким видом не будете упоминать мое имя или название издательства, в какой бы ситуации ни находились.

– Естественно. Даже если в подобной ситуации я обнаружу вашу администраторшу...

– Во-вторых, вы будете посылать свои рапорты прямо мне или моей личной секретарше мисс Сунь. Никто другой не должен знать ни того, что вы делаете, ни причин, которые вас к этому побудили.

– Без вопросов.

– Очень хорошо.

Он выпрямился в кресле и энергично раздавил окурки сигареты в пепельнице. Может быть, этим он хотел показать, что при нужде расправится со мной так же, как с этим окурком?

– Вы когда-нибудь слышали об Ирен Манделл?

– Это имя кажется мне чем-то знакомым...

– Ею вы и должны заняться, – резко заявил он. – Ирен Манделл была актрисой...

– А! Теперь припоминаю! Она играла в одной постановке, которая с большим успехом прошла на Бродвее года два назад?

– Вторая женская роль, – холодно согласился Харлингфорд. – Вещь называлась «Сон без пробуждения». Один из тех трюков психопатии, где реальна только душа. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Что-то вроде: «Мой дедушка был каннибалом, потому-то я и чувствую себя превосходно?»

Харлингфорд усмехнулся.

– Вы отлично подойдете моей администраторше, – пробормотал он. – Только вовремя выставляйте ее по утрам, чтобы она не опаздывала в контору.

– Я подумаю об этом, – обещал я.

– Ирен Манделл, – сказал он, возвращаясь к теме нашего разговора, – играла вторую роль в течение почти трех месяцев. Потом она покинула труппу. Из-за нездоровья, как

писали в газетах. Роль слишком многого требовала от нее: она играла женщину, которая мало-помалу по ходу пьесы теряла рассудок. В течение шести вечеров и двух утренников в неделю. Об этом прямо не говорилось, но можно было понять, что у нее нервная депрессия и она нуждается в длительном отдыхе. Через два дня газеты сообщили, что мисс Манделл тайно отправилась в деревню, но через месяц снова вернется к своей роли.

– Она так и не вернулась?

– Это было два года назад, Бойд. После этого ее никто не видел. Никто не знает, где она находится, что с ней случилось, жива ли она.

– Это след, который можно назвать несколько прохладным, – немного озадаченно сказал я.

– Писатель, занимавшийся этим делом, разговаривал с людьми, которые ее хорошо знали: товарищи по сцене, друзья, импресарио, режиссер, бывший любовник, лучшая подруга, и у всех была одна и та же реакция. – Его темные глаза засверкали. – Никто из них не интересовался судьбой Ирен Манделл. Им было наплевать на то, что с ней могло случиться, они не хотели этого знать, и у них нет ни малейшего желания помочь кому бы то ни было узнать об этом... Как будто она вообще и не существовала!

– Вы полагаете, что я достигну больших результатов, используя метод Бойда, то есть разговору их при помощи ласкового тона и постукиваний по лицу?

– Меня не интересует, каким методом вы сможете достичь результата, Бойд, – холодно заметил он. – Просто получите результат. Дальше: из всей родни у нее осталась только сестра – Ева Манделл. О ней тоже никто не знает, где она находится. Думают, что она живет в Нью-Йорке или была там проездом. Я хочу вам сказать, Бойд... У меня есть нюх в отношении репортажей. Я просто чувствую, что есть нечто очень поразительное в этом непонятном исчезновении Ирен Манделл.

– Bravo, – сказал я без всякого энтузиазма.

– Разве у вас нет такого предчувствия, старина? – Голос его задрожал от волнения. – Ирен Манделл была известной актрисой, пусть не звездой, но все-таки актрисой талантливейшей и человеком у всех на виду. А теперь вот уже два года, как она исчезла, и всем совершенно наплевать на нее! Но если такое могло случиться с ней, то может случиться с каждым из нас. Кто станет беспокоиться о мистере Дюпоне или его жене, когда они исчезнут? Вы понимаете? Никто не находится в безопасности!

– Мне нужно будет заказать новую вывеску с указанием моей профессии, – сказал я. – Прежняя, похоже, устарела.

– У мисс Сунь есть полное досье. Вы можете забрать его. – Его голос внезапно снова стал совершенно нормальным, и я почувствовал себя мужланом. – Как только найдете малейший след, немедленно рапортуйте об этом мне, каким бы ничтожным он вам ни показался. В досье имеются все сведения, которые позволят вам связаться со мной днем и ночью. Я рассчитываю, что вы будете постоянно держать меня в курсе дела. Это все, Бойд.

– Спасибо, – сказал я, вставая. – Никаких рукопожатий или пожеланий доброй удачи, прежде чем я отправлюсь в бой?

– Досье у мисс Сунь, – ледяным тоном повторил Харлингфорд.

Я закрыл за собой дверь и направился к столу личной секретарши. Через вырез платья можно было видеть заметный кусок ее ляжки. При моем появлении мисс Сунь оторвалась от бумаг.

– Как прошла беседа, мистер Бойд? – Ее улыбка была очаровательной.

– Отлично, – ответил я. – Он ест вместо бифштекса маленьких детей?

– У мистера Харлингфорда есть манера иногда выказывать себя немного суровым, – доверительно произнесла она. – Но ведь на нем висят огромные суммы.

– Это вы о костюме? Стоимость должна быть потрясающей...

– Я приготовила вам досье, мистер Бойд, – оборвала она меня, вкладывая папку в большой конверт. – Здесь все сведения об Ирен Манделл, которые нам удалось получить.

– В том числе и номер вашего телефона?

– Простите?

– Мистер Харлингфорд, – сказал я торжественным тоном, – потребовал, чтобы я общался лишь с ним или с его личной секретаршей. Не только днем, но и ночью. Если, например, он отправится покататься на автомобиле, где я смогу найти вас ночью?

При улыбке на ее щеках образовались очаровательные ямочки.

– Понимаю, мистер Бойд. Я напишу вам номер моего телефона.

– Будет неплохо, если вы также запишете и мой номер, – сказал я, полный надежды. – Как знать, вдруг в один из вечеров вы можете вспомнить какую-то подробность, которую срочно надо будет...

– Это маловероятно, мистер Бойд. Если что-нибудь подобное случится, я сразу же уведомлю мистера Харлингфорда, и он найдет способ, как с вами связаться.

– Не сомневаюсь. Он из тех людей, которые знают, что доллар – это доллар.

– У него тираническая внешность, – заметила она, – но он рычит больше, чем кусает...

– Вы говорите со знанием дела. Он упражняется на вас?

– Если вы почувствовали себя униженным от этой беседы, мистер Бойд, – холодно произнесла она, – то советую поговорить с администраторшей, а не со мной.

– Прямо настоящий заговор, чтобы бросить меня в объятия администраторши! – сказал я. – Неужели у меня такой же глупый вид, как у нее?

– Мне кажется, вы составите идеальную пару, – добродушно заметила она.

– А может, мы с вами составим идеальную пару? Я на этом настаиваю. Как насчет того, чтобы пообедать сегодня вместе?

– Невозможно! – сказала она. – Вам следует приступить к работе. До свидания, мистер Бойд. И не нужно стараться продемонстрировать мне ваш профиль, когда будете уходить. Я уже рассмотрела его под разными углами.

2

Он сидел, откинувшись на стуле и положив ноги на письменный стол, с сигарой в углу рта и в шляпе, сдвинутой на затылок.

– ...послушай, моя дорогая, – говорил он в трубку умоляющим голосом, хриплым и царапающим. – Я говорю тебе, что это тебе не подходит, это не звучит. Этот, с позволения сказать, продюсер, этот проходимец... Он не хорош для тебя, моя крошечка, и он платит гроши! Так что брось этого прохвоста и предоставь действовать старому Барни. Хорошо? Я перезвоню тебе не позже чем завтра.

Он повесил трубку и медленным движением нижней части челюсти переместил горящую сигару из одного угла рта в другой, пристально глядя на меня.

– Итак, вы частный детектив? – с неприязнью проворчал он. – Для чего пришли сюда? Я работаю над реальными вещами, и меня уже тошнит от сыщиков, которых столько развелось на телевидении.

– У вас такой вид, будто вы сами выскочили из фильма, – убежденно сказал я. – Урожая тысяча девятьсот двадцать восьмого года. И ваши носки плохо подобраны.

– Ну и что же? – Он энергично пожал плечами. – Вы пришли, чтобы критиковать меня?

– Я ищу одну актрису, – сказал я. – Она...

– Вы – продюсер? Продюсер, который нуждается в актрисе? – резко оборвал он меня. – Или хотите сделать несколько мерзких фотографий своим маленьким гадким аппаратом?..

Я схватил его за обе лодыжки, приподнял их над письменным столом и сразу выпустил. Его ноги ударили о пол с такой силой, что сигара выпала изо рта.

– Я – всего лишь жалкий частный детектив, который старается заработать себе на жизнь, – терпеливо сказал я. – И если вы не дадите мне наконец объяснить цель своего прихода, я вобью ваши зубы в глотку так далеко, что вам понадобится телескопическая щетка, чтобы их чистить!

– Вижу, что мы оба цивилизованные люди, – заявил он торжествующим тоном. – Вам нужна актриса?

– Да. Ирен Манделл. Я хочу найти ее.

Он пожал плечами.

– Я тоже хотел бы отыскать Ирен. В течение двух лет ни одного слова. Ни одного! Даже ни одной открытки!

Я подумал, что торжественность его тона, видимо, – хроническая болезнь. У меня не было иного выхода, и я располагал лишь двумя тысячами долларов, так что, оценив ситуацию, я вкратце пересказал ему все, что знал о причине ее ухода со сцены.

– Так оно и было, – сказал он и мрачно кивнул. – Все вечера подряд она должна была слетать с катушек. В третьем акте она находилась на сцене с начала до конца. А начинала с таких тирад: «Боже мой, как мне плохо!» Она находилась в беспрестанной депрессии! Даже собаке такого не пожелаешь.

– Десять против ста, что вас это не беспокоило, а? – спросил я.

– Вы считаете, что я работаю ради удовольствия, да? – Его голос задрожал. – Но у Барни Миккерса есть сердце. «Ты сенсационна, – сказал я ей, – действительно сенсационна. Но восемь недель! Сделай перерыв, а потом я подберу тебе хорошенькую пьесу, которую можно будет играть каждый вечер». Но Ирен даже не захотела слушать милого Барни, а потом...

– Вы знаете, куда она поехала?

Миккерс решительно покачал головой.

– Я вам уже сказал. Ни одной почтовой открытки!

– И вы не пытались узнать, что же с ней случилось?

– У меня не хватает времени на разведение цветов, – энергично запротестовал он. – Здесь занимаются бизнесом, и мне трудно было бы зарабатывать себе на жизнь с этими несчастными десять на сто. Не говоря уже о том, что по меньшей мере восемь пьес в год не выдерживают больше трех дней. Я имею возможность прохладиться, по вашему мнению?

– Вот то, что можно назвать спорным вопросом, – ответил я. – Кто был близок с ней?

Он сообщил мне имена, которые уже фигурировали в моем списке, потом, немного поколебавшись, добавил:

– Ева Манделл – ее сестра.

– Кто еще? – настаивал я.

– Ее частная жизнь принадлежит ей, это не мое дело. Спросите других, может быть, они что-то знают.

– Полагаю, что все же заставлю проглотить ваши зубы – это доставит мне удовольствие, – угрожающе сказал я.

– Умоляю! – Он просительно протянул ко мне руки. – Никакого насилия! Они стоили мне двести долларов, и я еще не заплатил за них! Была одна девушка, которая помогала Ирен одеваться. Заодно служила у нее горничной. Почему бы вам не обратиться к ней?

– Как ее зовут?

– Дайте подумать... – Он постучал пальцами по лбу. – Женни... Женни Шау! Вот-вот, Женни Шау!

– А где я могу ее найти?

– Я не господин бог! В городе с восемью миллионами жителей – откуда мне знать?

Он стал качаться в кресле взад и вперед с видимым нетерпением.

– Вы уже отняли у меня кучу времени и теперь хотите окончательно погубить мой день только потому, что я когда-то был импресарио Ирен Манделл?

– Если вы не знаете, где она, то кто может это знать?

– Может быть, мать? Или я должен знать адрес ее матери? Что вы еще хотите от меня? Написать для вас сценарий?

Я встал и несколько секунд молча смотрел ему в глаза.

– Не надо. Судя по вашей болтовне, вряд ли вы вообще умеете сочинять.

Я отправился в «Блэк Ангус», чтобы позавтракать, потом вернулся в свою контору. Фрэн Джордан, моя очаровательная секретарша, рыжая, с зелеными глазами, ведущая за пределами конторы жизнь, в которой я практически не играю никакой роли, подняла на меня слегка заинтересованный взгляд.

– Как прошла беседа? – небрежным тоном спросила она.

– Ему понадобился гениальный сыщик.

– А где вы его найдете?

– Харлингфорду не удалось найти никого другого, кроме меня. Его судьба на моем попечении.

– С каких пор вы перешли на этот жаргон, вун этакий? – сердито спросила Фрэн.

– С тех пор, как побеседовал с неким Барни Миккерсом, – ответил я. – Моя дорогая, нам нужно найти Женни Шау, горничную.

– Где мне следует ее поискать? Под нашим письменным столом?

– Попробуйте в контрактах по найму, – предложил я. – Вы помните Ирен Манделл?

– Еще одна горничная?

– Ладно, начинайте с девушки Шау, – устало согласился я. – В этом агентстве, видимо, моего профиля недостаточно.

Фрэн медленно и глубоко вздохнула, что заставило сильно увеличиться переднюю часть ее корсажа.

– Я по-прежнему держу в этих краях рекорд по окружности груди, – довольным тоном произнесла она. – Не забывайте этого.

– Ничего опасного, – сказал я. – Что вы делаете сегодня вечером?

– Небольшое расследование, – заметила она развязным тоном. – С одним шахтером из провинции.

– Шестнадцати лет?

– Этот шахтер добывает уран прямо под своим домишком где-то в Канзасе, – сказала она. – Если он разделяет мои вкусы, я, возможно, куплю счетчик Гейгера и присоединюсь к нему.

Задумчивая улыбка все еще блуждала по ее губам, когда я прошел в свой кабинет. Усевшись за стол, я разложил на нем досье. Сведения были очень скудными: список из пяти имен, четыре адреса и фотография Ирен Манделл.

Первым в списке стояло имя Барни Миккерса, импресарио Ирен.

Вторым шел Джером Вильямс – ее режиссер.

Следующими, с указанием адресов, были ее лучшая подруга Джин Бертон и лучший друг – Роджер Лоувел. В конце списка, без адреса, фигурировало имя ее сестры, Евы Манделл.

Пять несчастных имен, четыре несчастных адреса и фотография. Это все, что в результате более чем пятидневных поисков мог обнаружить опытный журналист. Значит, Харлингфорд что-то от меня скрыл, но если я позвоню и спрошу у него об этом, полагаю, он ответит, что это для моего же блага. «Лучше будет начать с нуля, Бойд. Вы приступите к расследованию без навязанных идей, которые могут вам помешать...» Следовательно, могу сэкономить один телефонный разговор.

Я стал внимательно рассматривать фотографию Ирен Манделл. Это был портрет размером 24 на 36, на глянцевого бумаге, сделанный профессионалом и ретушированный экспертом. Портрет явно висел в свое время в фойе театра. С лица убраны морщинки, а вместе с этим и все характерные детали. Только глаза с фальшивыми ресницами избежали ретуши, в них сохранилось выражение высокомерия. Чем больше я смотрел на них, тем больше они беспокоили меня. Для девицы, которая играла сумасшедшую, они были слишком естественными.

Я положил фотографию обратно в досье и снова прочитал список имен. Харлингфорд сделал из меня коммивояжера, обязанного посетить нескольких клиентов. Возможно, мне предстоит обзавестись щетками и швабрами для следующих клиентов. За Барни Миккерсом следует режиссер Джером Вильямс, ему, может быть, нужен подметальщик. В конце концов, кто-то ведь должен подметать театр после представлений, не так ли?

Театр находился недалеко от Бродвея. Четыре человека на сцене, трое мужчин и женщина, репетировали какую-то пьесу, держа в руках рукописи. Один из них, судя по манере поведения, был режиссером.

Я проскользнул в первый ряд и устроился рядом с каким-то молодым человеком. Он смотрел на сцену с озабоченным выражением на лице, уставившись через огромные очки в черепаховой оправе. У него было такое хрупкое телосложение, что было сомнительно, что ему позволяют выходить на улицу при сильном ветре.

– Джером Вильямс там? – спросил я у него, кивнув на сцену.

– Тише! – прошипел он, и толстые стекла очков бросили на меня световой блик. – Ради бога, тише! Кто вам нужен?

– Мне нужен Джером Вильямс!

– Да, это мистер Вильямс! – голосом убийцы прошептал молодой человек. – Теперь можете замолчать? Прошу вас!

Я снова посмотрел на сцену, приглядываясь к участникам репетиции.

– Кто эта актриса с потрясающей грудью?

Молодой человек неожиданно выпрямился и с оскорбленным видом посмотрел на меня.

– Это моя сестра, – с трудом произнес он.

– Вам совершенно нечего стесняться, – решил я его утешить. – Вы должны гордиться тем, что у вас такая сестра. Как ее зовут?

– Джин Бертон. Если вы сделаете еще хоть одно замечание, я выкину вас из театра.

– Можете продолжать изображать из себя грубияна, потому что знаете, что гораздо слабее меня, – обвинительным тоном сказал я. – Они долго будут там болтать?

Из его горла в течение нескольких секунд неслись какие-то свистящие звуки, потом к нему снова вернулся дар речи.

– Кто вы такой, боже мой? – спросил он с отчаянием в голосе. – И как вам удалось проскочить мимо привратника?

– Меня зовут Дэнни Бойд, – вежливо ответил я. – Мне это стоило пять долларов.

– Чего вы хотите?

– Поговорить с Вильямсом. И с вашей сестрой.

– Оставьте-ка мою сестру в покое!

– Какого черта вы изображаете из себя отца семейства? – прохрипел я. – Разговор пойдет исключительно о деле.

– Что, занимаетесь поставками белого порошка?

– Нет, ставим специальный спектакль. Нам не хватает живого скелета, а вы прекрасно подошли бы. Пятьдесят в неделю – вы сможете позволить себе все, что захотите. Ну как?

Диалог на сцене внезапно прекратился, и наступившее молчание заставило меня поднять глаза. Вильямс уничтожающе смотрел на нас.

– Если мы помешали вашей приватной беседе, – холодно произнес он, – то прошу извинить.

Маленький блондин вскочил на ноги.

– Я очень огорчен, мистер Вильямс, но этот бесноватый... Он сказал, что его зовут Бойд и что он пришел повидать вас. Я пытался заставить его замолчать, но это ведь невозможно!

Вильямс подарил мне ледяной взгляд.

– Что вы хотите?

– Небольшой разговор... Но я не тороплюсь, подожду, пока вы закончите.

– Проклятье! – устало сказал он. – Во всяком случае, репетиция сорвана. – Он бросил взгляд на актеров. – Отдохните четверть часа, дети мои, пока я отделаюсь от этого страхового агента.

Вильямс спустился со сцены и подошел к нам. Это был рослый парень отличного сложения, хотя, на мой взгляд, ему не мешало бы скинуть с десяток килограммов. Чувствовалось, что он умеет держать себя в руках. Такой выдержкой обычно отличаются актеры и проходимцы, когда хотят произвести впечатление.

– Исчезните! – повелительно бросил он дрожавшему блондинчику. – В контракте Джин нет пункта, в котором говорится, что я должен терпеть присутствие ее брата.

Бертон что-то проскулил и, согнувшись, как радиоантенна под ураганным ветром, засеменил к выходу.

– Вы только его не перевариваете или всех подряд? – с интересом спросил я Вильямса.

– Он относится к той категории людей, которых я не переносю. Да и вы не лучше, – проворчал он. – Предупреждаю, Бойд, если вы попытаетесь всучить мне какой-нибудь товар, я разделаюсь с вами гораздо жестче.

Я стал объяснять ему свою миссию, но раньше, чем я закончил, Вильямс принял страшно скучающий вид.

– Ирен Манделл? – нетерпеливо произнес он. – Она, возможно, находится в доме отдыха или в могиле, кто знает?

– Я думал, вы можете знать это, потому-то и задал такой вопрос.

– Два года вдали от Бродвея – это целая вечность для таких актрис, как она, – пояснил он немного поучительным тоном. – Ирен Манделл умерла для театра.

– Вы в самом деле не представляете, где бы я мог побеседовать с ее трупом?

– Увы, нет. – Его тон был категоричным. – Продолжая этот разговор, вы теряете время, Бойд. Да и у меня отняли немало времени.

– Во всяком случае, я очень доволен тем, что увидел, как вы репетируете, – вежливо заметил я. – Уже давно так не веселился.

– Это неотрагическая пьеса, – прошипел он.

– Примерно так я и думал, – согласился я, – но никак не мог найти подходящего слова.

Он презрительно отвернулся и поднялся на сцену. Решив встретиться с Джин Бертон после репетиции, я направился к выходу.

В крохотном фойе меня поджидал тот самый хрупкий парнишка. Несмотря на слабый свет в помещении, я увидел, что в глубине его светло-голубых, почти водянистых глаз затаилась злость, смешанная со страхом.

– Я хотел сказать вам несколько слов, мистер Бойд, – торопливо начал он. – Я слышал весь ваш разговор с мистером Вильямсом...

– Он вас не очень любит, а?

– Вы же слышали, как он оскорбил меня! Да еще перед посторонним человеком! – Его губы искривились. – Подонок! Я вынужден быть его помощником, а он обращается со мной хуже, чем с механиком! За тех, по крайней мере, заступает профсоюз.

– Жизнь не всех балует, – ответил я. – Если вы задержали меня, чтобы поплакаться...

– Подождите! – Его костлявая рука схватила меня с неожиданной силой, и пальцы больно впились в кожу. – Это важно, мистер Бойд! Я слышал, как вы сказали мистеру Вильямсу, что разыскиваете Ирен Манделл. Моя сестра очень любила ее.

– И что же?

– Почему бы вам не повидать ее сегодня вечером? Она будет рада помочь. Приходите к ней в восемь часов, я устрою так, чтобы она была дома.

– Очень хорошо, – сказал я. – А вы сами знали Ирен?

– Я видел ее всего два раза, – ответил он с некоторым сожалением в голосе.

– А ее горничную, Женни Шау?

– Очень смутно.

– Как вы думаете, где она может сейчас находиться?

– Увы, не имею представления.

Он сообщил мне адрес для встречи, который у меня уже был, но я не сказал ему об этом, не желая огорчать.

– Благодарю вас за помощь, Бертон.

– Меня зовут Ян, – покраснев, сказал он. – Это было для меня удовольствием, мистер Бойд. Сообщите, если я могу еще чем-нибудь быть вам полезным.

– Вы считаете нужным помогать всем или только частным детективам?

– Знаете, мне кажется, что Вильямс не жаждет того, чтобы нашлась Ирен Манделл. Может быть, у него для этого есть причины.

– Какие, например?

– Я не могу этого сказать. – Он пожал плечами. – Но надеюсь, что вы их обнаружите.

3

Роджер Лоувел, дружок Ирен, фигурировавший в моем списке под номером четвертым, проживал на Пятой авеню, в секторе Двадцать девятой улицы. День еще не закончился, и я решил поехать к нему, надеясь застать его дома.

Дверь мне открыла горничная, одетая в униформу в голливудском стиле, включая и воздушный передничек. Но когда она заговорила, то стала мало похожа на субретку. У нее был чисто американский акцент.

– Мистер Лоувел дома? – спросил я.

– Да, сэр.

Горничная вежливо улыбнулась, показав красивые зубы. Не кинозвезда, но достаточно соблазнительна, чтобы заставить Лоувела регулярно общаться со своей прислугой.

– От кого вы пришли? Как мне передать?

– Меня зовут Бойд, – ответил я, – но он меня не знает.

– Пожалуйста, подождите минуточку, мистер Бойд. – И с той же вежливой улыбкой она закрыла дверь перед моим носом.

Закурив сигарету, я размышлял о том, как лучше поступить: позвонить снова, выбить дверь или дожидаться ответа. Но вот дверь отворилась, и проблема была решена.

– Мистер Бойд, мистер Лоувел сейчас вас примет. Входите, пожалуйста.

Она провела меня через квадратный холл, открыла дверь в гостиную и звучно возвестила:

– Мистер Бойд!

Лоувел оказался высоким широкоплечим мужчиной, а его костюм почти не уступал костюму Харлингфорда. Он стоял у окна спиной ко мне.

– Вы частный детектив, который разыскивает Ирен Манделл? – наконец спросил он сухим и резким голосом, по-прежнему глядя в окно.

– Да, – ответил я.

– Вряд ли я могу быть вам полезен. Я не видел ее в течение двух лет и не имею желания видеть. Она принадлежит тому периоду моей жизни, который я давно похоронил.

– У моего клиента ситуация другая, – возразил я. – Я собираюсь найти ее для него, а не для вас.

– Мне казалось, вы должны быть умным человеком, – холодно произнес он. – По моему, я выразился достаточно ясно.

– Почему бы вам не проверить свою догадку, подарив мне свой взгляд? – спросил я таким же холодным тоном. – Умный вид сразу бросается в глаза, не так ли?

Он тихонько засмеялся, потом медленно повернулся ко мне.

– Вы не представляете, Бойд, как я хотел бы сделать это!

Решительным жестом Лоувел сорвал черные очки, и я увидел у него на месте глаз белые пятна.

– Весьма сожалею, – с чувством сказал я.

– Не стоит. – Он быстро надел очки. – Самое неприятное для слепого человека – это когда другие этого не замечают. Я не буду помогать вам. Вы зря теряете время.

– Кто вам сказал, что я ищу ее?

– Вы уже начали задавать вопросы узкому кругу лиц, знавших Ирен достаточно близко, – торопливо пояснил он. – У них нет тайн друг от друга.

– Где может быть ее сестра?

– Не знаю. Два года назад я собирался жениться на Ирен, но она меня бросила, даже не сказав «прощай». Эта неприятная страница в моей жизни уже закрыта, и у меня нет ни малейшего желания снова ее открывать. Полагаю, вы сами сможете найти выход.

Я негромко пропел, переделав слова известной песни:

Вот слепой, при своей слепоте
Он поет блюз Ирен...

Его лицо окаменело.

– Я не могу выставить вас, к сожалению, но могу отказаться с вами разговаривать, Бойд. Если вы будете докучать мне, я попрошу горничную вызвать полицию.

– Я не из тех людей, которые чувствительны к атмосфере, – сказал я. – Хорошо, я уйду. Но мне интересно, почему все так стараются не вспоминать про эту Манделл? Что заставило всех забыть про нее? Дурной запах изо рта или еще что?

– Я буду медленно считать до пяти, – спокойно произнес Лоувел, – и если вы еще будете здесь...

– Только не сбейтесь со счета! – зло бросил я с порога.

Субретка ожидала меня посреди просторного холла. Мне показалось, что ее что-то беспокоит, и я решил, что ничего не потеряю, если проверю некоторое предположение, которое внезапно пришло мне в голову.

– Тот прием, который вы мне оказали, и церемония препровождения меня к хозяину, – тихим голосом сказал я, когда оказался рядом с ней, – были прекрасно сыграны, слишком хорошо для простой горничной. Держу пари, что у вас в этом большой опыт, правда, Женни?

– Он вам сказал, что я Женни Шай? – прошептала она, указав на закрытую дверь.

– Я сам догадался, – честно признался я. – Все, что нужно для моей работы, – это догадливость!

– Он вам сказал что-нибудь насчет Ирен?

– Ничего. Он отрывает свои слова с кожей. В книге его жизни Ирен Манделл – забытая глава. Когда он ослеп?

Она немного поколебалась, затем решительно тряхнула головой:

– Я вам расскажу про Ирен, мистер Бойд, но не сейчас и не здесь.

– Превосходно! Когда мы сможем увидеться?

– Я сегодня вечером свободна начиная с половины восьмого и могу с вами где-нибудь встретиться.

Я вспомнил, что в восемь часов меня будет ждать Джин Бертон.

– Мне нужно кое-кого повидать сегодня вечером, – ответил я, – но думаю, что это не займет много времени. В десять часов для вас будет удобно?

– Как хотите. Где мы можем встретиться?

– У меня. – Я заметил в ее взгляде внезапное недоверие. – Не надо бояться, но если я немного запоздаю, дождитесь меня.

– В компании с вашей женой? – спросила она, и насмешливая улыбка озарила ее лицо.

– Без компании. У меня замечательный вид на парк. – Я сообщил ей адрес и, вынув из кармана ключ от квартиры, сунул ей в руку. – Устраивает?

– Устраивает, – сказала она. – Теперь вам лучше уйти. У него всегда уши настороже. Уж очень он хитер.

Ее рука внезапно замерла в двадцати сантиметрах от ручки двери. В замке повернулся ключ, дверь отворилась, и в прихожую вошла блондинка, одетая в белый шерстяной костюм. В руке она держала живую норку, которую, видимо, прогуливала вместо пуделя. Но в осталь-

ном это была типичная красотка с Пятой авеню. Было бы забавно бросить ее в пруд и посмотреть, какой она из него вылезет.

– Простите, миссис Лоувел, – дрожащим голосом произнесла Женни Шау, – мистер Бойд как раз собирался уходить...

– Да? – Блондинка слегка приподняла брови. По выражению ее холодных голубых глаз я понял, что она сразу определила мой социальный статус. – По-моему, мы с вами не знакомы, мистер Бойд? Меня зовут Лорен Лоувел.

– Дэнни Бойд, – сказал я. – Но знакомиться со мной бесполезно. Ваш муж только что вычеркнул меня из своей памяти.

– Вот как? Мне кажется, это немного слишком даже для моего мужа. – Она улыбнулась. – Вы, наверное, что-нибудь продаете?

– Хуже – покупаю вещи ради небольшого дела. Очень рад, что мне удалось вас увидеть. У меня всегда была слабость к прирученным норкам.

Я направился было к двери, но молодая женщина не тронулась с места. Я остановился в десяти сантиметрах от нее. Если бы мы одновременно глубоко вдохнули, то могли, без-условно, коснуться друг друга.

– Женни! – сказала она, не отводя от меня глаз. – У вас что-то пригорает.

– Да, миссис Лоувел, – пробормотала горничная и убежала в том направлении, где, как я догадывался, находилась кухня.

Лорен Лоувел продолжала молча рассматривать меня. Дыхание у нее немного участилось, что могло быть следствием влияния моего профиля, но ее холодный оценивающий взгляд вернул меня к действительности.

– Мужественный мистер Бойд, – тихо произнесла она. – Держу пари, что вы не такой ручной, как моя норка. Хотите позабавиться?

Я насмешливо посмотрел на нее.

– Предлагаете позабавиться прямо в холле?

Она отошла немного в сторону, и я слегка коснулся ее, открывая дверь.

– Я позвоню вам, – сказала она невозмутимо в тот момент, когда я переступил через порог. – Ваш телефон в справочнике?

– Могу сообщить вам свой обычный тариф, если захотите, – вежливо произнес я.

– Через тридцать минут, мой милый, вы попросите пощады, – безразличным тоном сказала она. Ее точеные пальцы ласково гладили норку. – Вы будете приручены за очень короткий срок, Дэнни Бойд, в мгновение ока!

Закрывая дверь, я услышал, как она засмеялась.

Около пяти часов я вернулся в контору. Фрэн Джордан собиралась уходить, уже нацелив счетчик Гейгера на друга из Канзаса.

– Мне не удалось найти Женни Шау, – сказала она, – но могу порекомендовать добрую югославку, если вам нужно. Она не говорит ни слова по-английски, но за три сотни долларов в месяц это просто находка, как мне сказали в агентстве.

– Я уже нашел ее, – сказал я небрежно. – Вот что значит гениальность.

– В какой тюрьме? – с любопытством спросила Фрэн. – Вооруженный грабеж?

– Ничего существенного не случилось за время моего отсутствия? – спросил я, особенно не надеясь на это. – Вашингтон случайно не натравил на меня ФБР?

– Звонила мисс Сунь. – Фрэн достала из сумочки губную помаду и стала наводить красоту. – Просила вас связаться с ней как можно скорее. Но если судить по ее голосу, ничего серьезного.

– Она как раз личная секретарша того типа, который я надеялся найти в вас, – сказал я. – Когда вы решитесь прийти в контору в достаточно длинном платье?

– Когда вы придете в камзоле, мой милый Дэнни, – твердо ответила она. – Насколько мне помнится, мы с вами договорились, что между нами будут только служебные отношения!

– Совершенно согласен, – с чувством ответил я. – Если вы начнете приходить на работу в платье без застежек, я буду в восторге...

– Всего доброго, мистер Бойд, – прервала меня Фрэн. – Если вас убьют до завтрашнего утра, мне надо присылать цветы?

– Проследите только, чтобы могила была достаточно широкой, – ответил я, – и чтобы нашлось место для всех девочек, которые придут проливать слезы на самый красивый профиль Манхэттена.

Но я говорил впустую: Фрэн уже ушла.

Я прошел в кабинет, устроился в кресле и набрал номер телефона издательства Харлингфорда. Через пятнадцать секунд прозвучал ясный и мелодичный голос Марии Сунь.

– Спасибо, что позвонили, мистер Бойд, – сказала она. – Мистер Харлингфорд хочет узнать о результатах вашей работы за сегодняшний день.

Я подробно отчитался.

– Вы не потеряли день впустую, мистер Бойд, – приветливо заметила она. – Уверена, мистер Харлингфорд будет в восторге.

– По вашему мнению, у меня есть шанс получить номер журнала бесплатно? – с тревогой спросил я.

– Какое прекрасное чувство юмора, мистер Бойд! – воскликнула она. – Если узнаете еще что-либо важное сегодня, звоните в любое время, не стесняйтесь.

– Вы тоже звоните, – сказал я, – даже если в этом не будет необходимости. Для вас я всегда свободен, моя прелесть. Мой номер телефона...

– Очень мило с вашей стороны, мистер Бойд, – оборвала она меня строгим голосом. – Поверьте, я вам весьма благодарна.

Она повесила трубку. Я сделал то же самое и тут услышал тихий кашель. Подняв глаза, я увидел на пороге комнаты какого-то типа.

Ничем не примечательная кислая физиономия. Высокий, худой, с покатыми плечами и морщинами на лице. Густая шевелюра, преждевременно поседевшая и зачесанная назад, придавала ему доброжелательный вид, который не соответствовал тусклым и мрачным глазам.

– Резиновые подошвы? – спросил я. – Или вы вошли на руках?

– Это вы – Бойд?

Его голос был таким же безжизненным, как и глаза.

– Если умеете читать, выйдите и прочтите, что написано на двери.

Он сделал несколько шагов – у него была небрежная походка – и осмотрелся.

– У вас приятная обстановка, – сказал он. – Дела, вероятно, идут неплохо, а?

– Кто вы такой? Налоговый инспектор?

– Меня зовут Карч, – медленно произнес он. – Это вам что-нибудь говорит?

– Совсем ничего. – Я пренебрежительно оглядел его. – Если судить по внешнему виду, вы должны были умереть задолго до моего рождения.

– Очень смешно. – Он с неприязнью пожал плечами. – Может быть, слышали о Лу Кестлере?

– Кестлера знаю. Он контролирует половину рэкета в этой местности, если не две трети.

– Вот это разговор, – оживился Карч. – А я его правая рука, рука правосудия... Вот так!

Он выхватил из кармана револьвер с коротким, в восемь сантиметров, стволом. Застыв неподвижно в кресле, я подумал, что если он нажмет на спуск, то пуля с такого расстояния проделает в моем черепе настоящий тоннель.

– Итак, – продолжал Карч, – я – правая рука Лу Кестлера, и когда Лу нуждается в том, чтобы убрать мишень, этим занимаюсь я.

– Ты ошибся мишенью, дружок, – хрипло запротестовал я, – у меня не было случая познакомиться с Кестлером.

– Лу всегда помнит своих друзей. Его попросил об этом приятель, который оказал ему как-то одну услугу. А Лу аккуратно платит долги. Он просто спросил: «Кто?» – и приятель ответил: «Бойд!» Теперь дошло?

– Кто же этот друг, который хочет ликвидировать меня на сорок лет раньше положенного времени? – с грустью спросил я.

– Я сказал это конфиденциально, – ответил Карч недовольно. – Ты же ведь лишен морали?

Его рука внезапно нырнула в карман, и револьвер исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.